

СЛУЧАЙ С ЗАДОРОВЫМ

«Педагогическая поэма» с точки зрения режиссёра

В. БУКАТОВ

После принятия полуразрушенной колонии А.С. Макаренко с небольшим педагогическим коллективом готовится к встрече первых колонистов.

С момента прибытия воспитанников в колонию возникает следующая ситуация:

«В первые дни они просто не замечали нас. К вечеру они свободно уходили из колонии и возвращались утром, сдержанно улыбаясь, навстречу моему проникновенному соцвосовскому выговору...

Екатерина Григорьевна, серьёзно улыбаясь, хмурила брови:

— Не знаю, Антон Семёнович, серьёзно, не знаю... Может быть, нужно просто уехать... Я не знаю, какой тон здесь возможен...».

Меры, которые принимал А.С.Макаренко, не приносили результата. Как выйти из создавшегося положения, Макаренко не знал.

«В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-весёлый ответ:

— Иди сам наруби, много вас тут!

Это впервые ко мне обратились «на ты».

В состоянии гнева и обиды, доведённый до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил в третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, поспешил надеть фуражку, потом снял её и снова надел.

— Простите, Антон Семёнович...

Я обернулся к ним и постучал по спинке кровати:

— Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чёртовой матери!

И вышел из спальни».

После этого колонисты получали инструменты.

«У меня мелькнула мысль, что лучше в этот день не рубить лес — не давать воспитанникам топоров в руки, но было уже поздно: они получили всё, что им полагалось. Всё равно. Я был готов на всё...

К моему удивлению, всё прошло прекрасно. Я проработал с ребятами до обеда. Мы рубили в лесу кривые сосенки. Ребята, в общем, хмурились, но свежий морозный воздух, красивый лес, убранный огромными шапками снега, дружное участие пилы и топора сделали своё дело.

Впервые мы смущённо закурили из моего запаса махорки и, пуская дым к верхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом:

— А здорово! Ха-ха-ха-ха!..

Приятно было видеть его смеющуюся румяную рожу, и я не мог не ответить ему улыбкой:

— Что здорово? Работа?

— Работа само собой. Нет, а вот как вы меня съездили!

Задоров был большой и сильный юноша, и смеяться ему, конечно, было уместно. Я и то удивляюсь, как я решился тронуть такого богатыря.

Он залился смехом и, продолжая хохотать, взял топор и направился к дереву:

— История, ха-ха-ха!..

Обедали мы вместе, с аппетитом и шутками, но утреннего события не вспоминали. Я себя чувствовал всё же неловко, но уже решил не сдавать тона и уверенно распорядился после обеда. Волохов ухмыльнулся, но Задоров подошёл ко мне с самой серьёзной рожей:

— Мы не такие плохие, Антон Семёнович! Будет всё хорошо. Мы понимаем».

* * *

Что же произошло в приведённом примере? Какой вывод можно сделать сегодняшнему педагогу? Попробуем ответить, используя режиссёрские параметры поведения.

Наглость и хамство в поведении колонистов, отсутствие представления об элементарных обязанностях по отношению к педагогам, к женщинам вытекали из ощущения воспитанниками своего превосходства, своей силы в сравнении с воспитателями. Пребывание в следственной комиссии, а затем в нищенской, полуразрушенной колонии для самих колонистов мало чем отличалось от беспризорного существования на улице, и всё это было им хорошо знакомо. Они не признавали за наказание ни возврат в комиссию, ни перевод в другую колонию, ни, тем более, исключение из колонии. Поэтому, хамя воспитателям, открыто нарушая дисциплину и внутренний распорядок, колонисты почти ничем не жертвовали, не рисковали, что порождало бесстрашие, чувство превосходства, силы.

Макаренко и его соратники были поставлены в тяжёлые условия: невозможно воспитывать того, кто не считает своей обязанностью тебя выслушать, понять, выполнить какое бы то ни было поручение, кто «просто не замечает тебя». Проповеди, выговоры не помогали и не могли помочь. Необходимо было совершить переворот в *представлениях о соотношении сил*, противопоставить уверенности воспитанников более мощную силу.

Этот переворот в представлении о соотношении сил произошёл в случае с Задоровым. Но что лежало в основе этого переворота? Физическая сила? Но она сама по себе не была столь страшной для здоровяков-колонистов: «Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом», — пишет А.С.Макаренко. Можно сказать, что причиной успеха был человеческий гнев, взрыв. Но этими словами мы зафиксируем форму проявления содержания, а не само содержание.

Дело, с режиссёрской точки зрения, в том, что А.С.Макаренко поставил воспитанников в такую ситуацию, где сила измерялась риском, — избивание воспитателя, так же как и избивание воспитанника воспитателем, наказывалось законом (лишение свободы, заключение в дом принудительных работ и так да-

лее). Макаренко, будучи в состоянии «гнева», «отчаяния и остервенения», пошёл на большой для себя риск — риск потери свободы, должности, определённого отношения к себе начальства и т.д. Он бросил вызов, который оказался не под силу его воспитанникам.

Значимость жертвы (лишение свободы) настолько превосходила незначительность причины (конкретный выход на рубку леса), что колонисты вынуждены были пересмотреть свои взгляды на соотношение сил, вынуждены были признать своё поражение, вынуждены были признать силу А.С.Макаренко в решительности, бесстрашии, принципиальности, бескорыстии — признать и подчиниться ей.

*(Продолжение темы учительского рукоприкладства
читайте в следующем номере.)*

[113 – 116]
Сценарии
и алгоритмы

134 ▶